

The poster features a central female character with long, dark, curly hair, wearing a white, ornate, lace-trimmed dress. She is looking directly at the viewer with a serious expression, and her hands are glowing with golden, ethereal energy. To her left, a man in a dark, ornate coat with gold embroidery stands in profile, looking towards the right. Behind him, a large, golden dragon is visible, its wings spread. To the right of the central character, a woman in a white, off-the-shoulder, lace-trimmed dress stands near a large, arched window, looking out. The background is a dark, gothic-style interior with blue light coming from the window. The overall tone is dramatic and fantasy-themed.

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

РАЗВОД
С ДРАКОНОМ
ПЛАТЬЕ ДЛЯ ЕГО
НОВОЙ НЕВЕСТЫ

Лилия Тимолаева

**Развод с драконом. Платье
для его новой невесты**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Развод с драконом. Платье для его новой невесты /
Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

После смерти в своём мире она очнулась в теле женщины, которую прямо сейчас разводят перед всем Драконьим Советом. Элира Арн лишилась имени, положения и защиты мужа. Но последним ударом стал не развод. Герцог Рейнар Вейр потребовал, чтобы бывшая жена сшила свадебное платье для его новой невесты. Отказаться — значит потерять всё. Согласиться — собственными руками подготовить место для соперницы. Только никто не знает главного: обрядовая ткань не терпит лжи. Она помнит прикосновения, клятвы и чужие тайны. И если новая невеста скрывает правду, платье обязательно заговорит.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Последний заказ бывшей жены	5
Глава 2. Ткань помнит всё	13
Глава 3. Примерка для предательницы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1. Последний заказ бывшей жены

Когда незнакомый мужчина объявил, что разводится с ней перед всем Драконьим Советом, Элира поняла две вещи: она была в чужом теле, а это тело здесь уже успели возненавидеть.

Сначала ей показалось, что зал качнулся.

Не от слабости — от невозможности принять происходящее. Высокие стрельчатые окна, тёмный камень стен, длинный стол из чёрного дерева, над которым в воздухе медленно горели золотые знаки клятв, — всё это не могло быть настоящим. Ещё мгновение назад перед глазами была мокрая мостовая, свет фар, холодный ветер и собственная рука, сжимающая разорванный край свадебной фаты. Потом — резкая вспышка, падение, тишина.

А теперь она стояла в центре огромного зала, в тяжёлом платье цвета выцветшего жемчуга, под взглядами людей, которые смотрели на неё не как на живую женщину, а как на испорченный предмет, который наконец-то вынесли на суд.

— Леди Элира Вейр, — произнёс седой мужчина во главе стола, и его голос разошёлся по залу, будто ударил по стеклу. — Вы слышали волю вашего супруга?

Элира не сразу поняла, что обращаются к ней.

Имя отозвалось внутри чужой памятью — тонкой, дрожащей, как нить, которую слишком долго тянули через острый край. Элира. Да, так звали это тело. Леди Элира Вейр. Жена герцога Рейнара Вейра. Женщина, которую сегодня должны были официально лишить брачного статуса.

И, кажется, никто не собирался спрашивать, согласна ли она.

Перед ней стоял мужчина в чёрном мундире с узкими серебряными застёжками. Высокий, широкоплечий, с лицом, которое трудно было назвать просто красивым: в нём было слишком много власти, чтобы красота казалась мягкой. Тёмные волосы, убранные назад, подчёркивали резкие скулы; глаза — серо-золотые, с вертикальной драконьей искрой в глубине — смотрели на неё без малейшей жалости. Не зло, не ярость, не раздражение. Хуже. Холодная уверенность человека, который давно всё решил.

Элира знала его имя до того, как память подсказала.

Рейнар Вейр.

Муж.

Бывший муж — если верить словам, прозвучавшим в зале.

Рядом с ним, чуть позади, стояла женщина в светло-голубом платье. Её красота была совсем иной: прозрачная, нежная, тщательно выверенная. Светлые локоны падали на плечи так безупречно, словно каждый завиток занимал место по приказу. Ресницы опущены, руки сложены у пояса, губы слегка дрожат — не слишком заметно, ровно настолько, чтобы все присутствующие увидели её скромность и внутреннюю борьбу.

Но Элира заметила другое.

Женщина ни разу не посмотрела на Рейнара так, как смотрят на мужчину, ради которого рушат чужую жизнь. Её взгляд скользил по залу, по советникам, по гербам на стенах, по документам на столе. Быстро, мягко, почти незаметно. Она оценивала не человека. Она оценивала место, куда входила.

— Я спросил, слышали ли вы волю герцога, — повторил седой мужчина.

По залу прошёл лёгкий шорох. Кто-то подавил смешок, кто-то демонстративно отвернулся. У дальней колонны две дамы в тёмных драконьих шёлках обменялись взглядами. Одна из них медленно поднесла к губам веер, но не скрыла улыбку до конца.

Элира опустила глаза на свои руки.

Пальцы были тонкими, белыми, с маленькими уколами у подушечек. Не свежими, а застарелыми, привычными. Руки мастерицы. Не праздной герцогини, не хрупкой украшенной

куклы, а женщины, которая много держала иглу, ткань, нити, ножницы. Указательный палец был чуть грубее остальных, на запястье — след от старого ожога в форме вытянутой искры. Чужая память дрогнула и выдала обрывок: белая ткань на раме, огненный шов, голос строгой наставницы: “Церемониальное платье не украшает невесту, девочка. Оно свидетельствует за неё”.

Элира подняла голову.

— Слышала, — сказала она.

Голос оказался тише, чем хотелось, но не сорвался. Это уже было победой. Маленькой, почти незаметной, но в этом зале, где от неё ждали обморока или мольбы, даже ровный голос звучал вызовом.

Рейнар едва заметно прищурился.

Седой советник раскрыл лежащий перед ним свиток. По краю пергамента горели тонкие золотые буквы, и Элира почувствовала, как от них тянет сухим жаром. Не настоящим пламенем, а чем-то более древним — силой обещания, записанного не чернилами, а волей рода.

— Дом Вейр подал прошение о расторжении брачного союза, заключённого семь лет назад между герцогом Рейнаром Вейром и леди Элирой из рода Арн. Основания перечислены в приложении к договору: отсутствие укрепления родовой линии, нарушение церемониального долга, утрата доверия супруга и Совета.

Утрата доверия.

Слова ударили особенно больно, хотя Элира ещё не знала всей истории. Чужое тело знало. Где-то под рёбрами поднялась старая, выученная годами боль женщины, которую долго не слушали, а потом обвинили в том, что она не сумела доказать свою ценность.

Она могла бы закричать, что ничего не помнит. Могла бы сказать, что это ошибка, что она не отсюда, что несколько минут назад у неё была другая жизнь, другое имя, другой мир. Но стоило только представить эти слова в этом зале, как она поняла: её сочтут безумной. Или удобной.

А удобной быть было опасно.

— У меня есть право на ответ? — спросила Элира.

Шорох стал громче.

На лице седого советника появилось недовольство, будто мебель внезапно заговорила.

— Формально — да.

Формально. Прекрасное слово для казни, которую уже одобрили.

Рейнар сделал шаг вперёд. Его движение было сдержанным, но от него по залу будто прошла незримая волна. Несколько советников невольно выпрямились. Женщина в голубом платье подняла на него глаза — мягко, доверчиво, будто искала защиты.

— Элира, — произнёс он, и это имя в его устах прозвучало не как обращение, а как последняя печать на документе. — Не превращайте заседание Совета в сцену. Вы знали, к чему всё идёт.

Она смотрела на него и пыталась одновременно слушать, дышать и собирать из чужой памяти хоть что-то полезное. Сцены вспыхивали и гасли: этот же мужчина за длинным столом, не поднимающий глаз от бумаг; холодная спальня с двумя дверями; шкатулка с нитями, запёртая на родовой замок; её собственный голос — не нынешний, а прежней Элиры, тихо говорящий: “Дайте мне закончить платье вашей матери, и вы поймёте...” Его ответ: “Хватит”.

Не вся память. Лишь осколки.

Но даже осколков хватало, чтобы понять: настоящую Элиру не бросили внезапно. Её медленно стирали из этой жизни, пока от неё не осталась только удобная подпись под чужим решением.

— Я знала? — переспросила Элира, и теперь голос стал крепче. — Или мне оставили столько выбора, что знание уже ничего не меняло?

Кто-то тихо втянул воздух.

Рейнар смотрел на неё неподвижно. В глубине его зрачков промелькнуло золото, короткое и опасное, как искра в тёмной кузнице.

— Выбор был у вас много раз.

— Не сомневаюсь, — ответила она, не позволяя себе усмехнуться. — Обычно так говорят те, кто заранее забрал все двери, кроме одной.

На этот раз улыбка исчезла даже у дамы с веером.

Седой советник стукнул пальцами по столу.

— Леди Элира, Совет не намерен выслушивать обвинения в адрес главы древнего дома.

— Тогда Совету стоило не собирать меня сюда в качестве обвиняемой, — сказала она.

Эти слова вырвались сами, но не были истерикой. В них была усталость. И что-то ещё — упрямое, живое, пришедшее не только из неё самой, но и из той женщины, чьи руки помнили нити лучше, чем объятия мужа.

Рейнар медленно выдохнул.

— Довольно.

Одного этого слова хватило, чтобы зал снова замолчал. Элира вдруг поняла, почему его боялись. Он не повышал голос, не делал резких движений, не угрожал. В нём было спокойствие хищника, которому нет нужды доказывать силу.

— Я не собираюсь обсуждать прошлое, — продолжил он. — Брак исчерпан. Дом Вейр не может оставаться связанным с женщиной, которая не исполнила ни одного главного обязательства перед родом.

Элира почувствовала, как внутри чужой памяти что-то болезненно сжалось.

Главного обязательства.

Она не знала, что именно скрывалось за этой формулировкой, и знала одновременно. Не укрепила род. Не стала нужной. Не дала того, чего от неё ждали. В мире, где женщину оценивали не по голосу, не по таланту и не по верности, а по пользе для древнего герба, это было почти приговором.

Женщина в голубом платье сделала шаг вперёд.

— Мой лорд, прошу, — произнесла она мягко. — Не стоит причинять леди Элире лишнюю боль. Сегодня и так тяжёлый день для всех.

Для всех.

Элира медленно перевела на неё взгляд.

— Простите, леди...?

Чужая память подсказала имя с неприятной задержкой, словно даже прежняя Элира старалась не произносить его без необходимости.

— Селеста Морвейн, — ответила женщина и опустила ресницы. — Я понимаю, что вы чувствуете.

Нет, не понимаешь, подумала Элира.

Потому что Селеста стояла рядом с мужчиной, который только что выбросил жену из жизни при свидетелях, и говорила так, будто пришла утешать вдову.

— Как щедро с вашей стороны, — сказала Элира.

В голубых глазах Селесты на миг мелькнуло что-то острое. Не гнев. Скорее интерес. Словно игрушка, которую считали сломанной, вдруг двинулась не по заданной траектории.

— Я не желаю вам зла, — мягко ответила Селеста. — Мне искренне жаль, что всё сложилось именно так.

— Особенно жаль, должно быть, стоять на моём месте не пришлось вам.

Тишина стала плотной.

Рейнар повернул голову к Элире.

— Селеста не имеет отношения к нашим ошибкам.

Элира услышала в его голосе не любовь, не страсть, а защиту решения. Он словно защищал не женщину, а собственное право начать заново, не оглядываясь на ту, кто оставалась позади.

— Конечно, — сказала она. — Новая невеста редко имеет отношение к разводу. Она просто оказывается рядом в день, когда он подписывается.

Селеста побледнела очень красиво. Ровно настолько, чтобы советники могли возмутиться за неё.

— Леди Элира! — резко произнёс седой глава Совета.

— Я отвечаю на обвинения, как мне позволили, — напомнила она.

Она не знала, откуда бралась эта выдержка. Может быть, из злости. Может быть, из страха, который стал слишком большим и потому затвердел. А может, из простой, почти земной мысли: если она сейчас упадёт, её растопчут до конца.

Рейнар протянул руку, и один из младших секретарей поспешно подал ему узкий футляр из тёмной кожи. Герцог раскрыл его и достал брачный браслет — тонкий обруч из белого золота, украшенный чёрной чешуйчатой вязью. Такой же, как тот, что всё ещё сжимал запястье Элиры.

Только её обруч внезапно стал тяжёлым.

— По праву главы дома Вейр, — произнёс Рейнар, — я расторгаю брачный союз с леди Элирой Арн-Вейр. С этого дня она более не носит моё имя как супруга, не имеет права на место в главном крыле дворца и не участвует в решениях рода.

Слова ложились на воздух одно за другим, и золотые знаки над столом вспыхивали ярче. Обруч на руке Элиры нагрелся. Она стиснула пальцы, заставляя себя не отдёрнуть руку. В памяти прежней хозяйки тела ожил день свадьбы: тот же зал, та же вязь в воздухе, Рейнар моложе и не такой холодный, его рука держит её запястье, а кто-то шепчет, что драконья клятва не рвётся без боли.

Боль пришла почти сразу.

Не острая, не телесная — глубокая, будто из неё вытягивали корень, проросший в самую кость. Элира видела, как браслет на её запястье раскрылся тонкой линией и упал к ногам. Никакой крови, никакой раны, но кожа под ним осталась белой, пустой, чужой.

Она не наклонилась.

Если они хотели, чтобы она подняла с пола символ собственного унижения, им придётся подождать дольше.

Седой советник поставил на свитке печать. В воздухе раздался низкий гул, похожий на далёкий раскат. Несколько человек склонили головы, признавая решение.

— Развод утверждён, — объявил он. — Леди Элира Арн лишается статуса герцогини Вейр. Вопрос о её дальнейшем содержании будет решён согласно брачному договору.

Вот теперь зал оживился по-настоящему.

Не шумно, не открыто. Драконья знать умела наслаждаться чужим падением воспитанно: тихим шелестом тканей, короткими взглядами, едва заметными улыбками. Элира стояла в центре и ощущала их внимание кожей. Её рассматривали, взвешивали, прикидывали, сколько часов пройдёт, прежде чем она исчезнет из дворца окончательно.

И тут Рейнар сказал:

— Есть ещё одно условие.

Элира посмотрела на него.

Развод уже состоялся. Что ещё можно было забрать у женщины, которую только что лишили имени?

Герцог сделал знак секретарю. Тот положил на стол новый документ — не свиток Совета, а плотный лист с тёмной родовой печатью Вейров. В центре печати был дракон, обвивающий горящую нить.

При виде этого знака в памяти Элиры поднялось что-то неожиданное. Не страх. Знание. Мастерская печать.

Договор на церемониальный наряд.

— До заключения брака со мной, — произнёс Рейнар, — леди Элира была утверждена родовой мастерицей по обрядовым тканям дома Арн. После свадьбы её право перешло под защиту дома Вейр. Несмотря на расторжение брака, последний заключённый ею договор остаётся действительным.

Элира смотрела на документ, и внутри всё медленно холодело.

Она уже понимала, но ещё не хотела понимать.

Селеста чуть склонила голову. На её губах появилась слабая виноватая улыбка.

— Я просила выбрать другую мастерицу, — сказала она так тихо, чтобы услышали все. — Правда, просила. Но Совет обрядов признал, что только леди Элира владеет нужным швом. Нужным швом.

Элира вдруг увидела в памяти большую раму, натянутую ткань, собственные пальцы в золотой пыли света и строгий голос наставницы: «Свадебная ткань древнего дома принимает не красоту. Она принимает правду того, кто входит в род».

— Какой договор? — спросила она.

Рейнар взял лист и подошёл ближе. Слишком близко для бывшего мужа, слишком далеко для человека, который когда-то имел право касаться её руки.

— Платье для церемонии вступления новой герцогини в дом Вейр, — сказал он.

Вот оно.

Не развод. Не потеря имени. Не насмешки.

Последний удар оказался точнее.

Они не просто выбрасывали её из дворца. Они требовали, чтобы она собственными руками подготовила место для другой женщины.

Элира смотрела на Рейнара, и впервые с момента пробуждения ей захотелось не спорить, не держаться, не искать спасение, а просто ударить его по лицу. Не за развод даже. За то, что он произнёс это так, словно заказывал новый занавес в зал Совета.

— Вы хотите, — медленно сказала она, — чтобы я сшила свадебное платье для вашей новой невесты?

Селеста опустила глаза.

Рейнар не отвёл взгляда.

— Я требую исполнения договора.

— После того как публично лишили меня вашего имени?

— Договор заключён до расторжения брака.

— То есть имя мне больше не принадлежит, а обязанности ещё да?

В зале кто-то негромко кашлянул, будто пряча смехок.

Рейнар на это не отреагировал.

— Отказ будет расценён как нарушение родового контракта. В таком случае вы потеряете содержание, мастерскую, личное имущество, полученное после брака, и право использовать печать Арн в столице.

Вот теперь всё стало ясно.

Не просто платье.

Цепь.

Если она откажется, её вышвырнут не только из дворца, но и из любой жизни, в которой она могла бы выжить. Чужая память подсказала: род Арн давно обеднел, старый дом закрыт, мастерская в нижнем квартале заложена под поручительство Вейров. Без права на печать она станет никем. Даже хуже — никем с дурной славой.

Элира провела пальцами по пустому запястью, где ещё несколько минут назад был браслет. Кожа саднила от исчезнувшей клятвы.

— А если я соглашусь? — спросила она.

Седой советник подался вперёд, словно этот вопрос его заинтересовал.

Рейнар ответил не сразу.

— Вы получите расчёт по договору, сохраните малую мастерскую Арн и покинете дворец после завершения работы.

Малая мастерская.

Не свобода. Не справедливость. Крошечный остров, брошенный ей, чтобы она не утонула слишком громко.

Селеста наконец подняла глаза.

— Леди Элира, я понимаю, насколько это может быть тяжело для вас. Если вы не желаете видеть меня на примерках, я готова...

— Нет, — перебила Элира.

Слово вышло спокойным, но достаточно твёрдым, чтобы Селеста замолчала.

Элира повернулась к ней полностью. В голубых глазах новой невесты было столько мягкого сочувствия, что оно почти блестело. Почти. Но за этой мягкостью Элира снова уловила что-то не то. Не торжество — торжество было бы понятнее. Скорее ожидание. Селеста ждала не согласия и не отказа. Она ждала момента, когда Элира согнётся.

— Если я возьмусь за работу, — сказала Элира, — примерки будут проходить по правилам мастерицы, а не по желаниям невесты.

Улыбка Селесты не изменилась.

— Разумеется.

— И никто не будет вмешиваться в выбор ткани, шва и церемониальной отделки.

На этот раз Селеста посмотрела на Рейнара.

Очень быстро.

Так быстро, что большинство не заметило бы. Но Элира заметила, потому что сейчас замечать было единственным способом остаться живой в чужом мире.

— Пределы обряда утверждает дом Вейр, — сказал Рейнар. — Но мастерская часть остаётся за вами.

— Тогда я должна увидеть ткань.

Седой советник нахмурился.

— Сейчас?

— Сейчас, — ответила Элира. — Вы хотите, чтобы я приняла контракт перед Советом. Значит, я должна видеть, с чем работаю. Или дом Вейр привык подписывать церемониальные обязательства вслепую?

Это был риск. Она ещё почти ничего не знала о здешних обычаях и могла попасть в ловушку собственной дерзости. Но чужая память подсказала верно: обрядовую ткань действительно нельзя было принимать, не коснувшись её. Это было не прихотью, а законом ремесла.

Рейнар изучал её лицо. Наверное, искал прежнюю Элиру — тихую, растерянную, готовую отступить после первого холодного взгляда. Не находил. И это раздражало его сильнее, чем открытая сцена.

— Принесите основу, — приказал он.

Один из слуг у двери склонился и вышел.

Пока они ждали, зал молчал. Это молчание было хуже шёпота. Элира чувствовала каждую пару глаз, каждую оценивающую улыбку, каждое нетерпеливое ожидание чужого падения. Её новое тело устало от этого зала, словно стояло здесь не минуты, а годы. Может быть, прежняя Элира и правда стояла. Просто в других платьях, на других заседаниях, под другими обвинениями.

— Вы изменились, — тихо сказал Рейнар.

Он произнёс это так, чтобы слышала только она. Но в тишине Совета даже шёпот мог стать оружием.

Элира посмотрела на него снизу вверх, хотя ей не хотелось признавать, что он выше и физически, и по положению, и по праву этого мира.

— Возможно, развод полезен хотя бы тем, что женщина перестает стараться нравиться мужу.

На его лице ничего не дрогнуло. Только в глазах снова вспыхнуло золото.

— Не путайте достоинство с упрямством.

— Не путайте покорность с добродетелью.

Он чуть наклонился ближе, и от него пахло не дымом, как она ожидала от дракона, а холодным воздухом после грозы, камнем и едва уловимым жаром металла.

— Вы играете в опасную игру, Элира.

Она выдержала его взгляд, хотя тело предательски помнило, как боялось этого тона.

— Нет, милорд. Игру начали без меня. Я всего лишь прочитала правила.

Слуги вернулись вдвоём. Они несли длинный плоский ларец из светлого дерева, окованный золотистыми пластинами. На крышке был вырезан дракон, держащий в когтях не меч, не корону, а иглу. Почему-то этот знак задел Элиру сильнее, чем брачный браслет. В нём была не власть мужа, а власть ремесла. То единственное, что у неё пока не успели отнять.

Ларец поставили на отдельный стол.

Седой советник поднялся, подошёл ближе и приложил к крышке свою печать. Дерево тихо щёлкнуло. В воздух поднялся слабый запах свежего холста, сухих цветов и тёплого солнца, впитавшегося в ткань.

Элира шагнула к ларцу.

Чужая память больше не была беспорядочной. Она не объясняла всего, но руки знали, как двигаться. Не хватать, не мять, не тянуть за край. Сначала посмотреть на плетение. Потом — на внутреннюю нить. Потом коснуться не ладонью, а кончиками пальцев, чтобы ткань сама решила, примет ли мастерицу.

Внутри лежало полотно невероятной белизны. Не снежной и не мёртвой — живой, глубокий белый цвет, будто в нём прятался свет раннего утра. Ткань была тонкой, но не хрупкой. Она почти не блестела, однако каждый её изгиб ловил огонь знаков над столом и возвращал его мягким золотом.

Зал невольно притих.

Даже те, кто пришёл смотреть на унижение бывшей герцогини, поняли: перед ними не просто материал для красивого наряда. Это была часть обряда, который мог открыть двери древнего дома или запереть их навсегда.

— Основа соткана в северных мастерских Вейров, — сказал Рейнар. — Родовой огонь признал её пригодной.

Элира не ответила.

Она протянула руку и едва коснулась края полотна.

Ткань отозвалась.

Не голосом, не движением — ощущением, будто под пальцами прошёл тихий тёплый вздох. В памяти вспыхнули линии будущих швов: боковой бережный, подвенечный, внутренний, скрытый в подоле, и главный — тот, который не видели гости, но чувствовал родовой огонь. Прежняя Элира знала это ремесло. Не просто умела. Любила. И, возможно, именно за это её боялись сильнее, чем за слёзы.

— Хорошая основа, — сказала она.

Селеста подошла ближе.

— Правда? Я так рада. Мне говорили, что вы лучше всех чувствуете церемониальные ткани. Надеюсь, вы сделаете для меня что-то... достойное дома Вейр.

Слово “для меня” прозвучало мягко, но попало точно.

Элира повернула голову.

— Свадебное платье древнего дома шьют не для невесты, леди Селеста. Его шьют для клятвы, которую она собирается произнести.

Селеста улыбнулась.

— Тогда мне нечего бояться.

И коснулась полотна.

Это движение было почти невинным. Два пальца, белая кожа, изящный наклон кисти. Селеста будто хотела лишь погладить будущий подол, представить себя в сияющем платье, услышать мысленные восхищённые вздохи двора.

Но ткань под её пальцами изменилась.

На одно мгновение, настолько короткое, что зал, возможно, ничего не заметил, белизна потемнела. Не вся — только маленькое пятно у самого края, там, где пальцы Селесты прижались к основе. Цвет проступил изнутри, как тень под тонким льдом: серо-чёрный, с едва заметными прожилками, похожими на обугленные нити.

Элира не отдернула руку. Не вскрикнула. Не выдала себя ни одним лишним движением.

Но внутри всё стало предельно ясным.

Свадьба Рейнара Вейра была не просто жестокостью по отношению к бывшей жене. В ней скрывалось что-то гораздо опаснее.

Селеста тоже увидела.

Её улыбка осталась на месте, но пальцы убрались с ткани слишком быстро. Голубые глаза поднялись на Элиру, и на этот раз в них не было ни мягкости, ни сочувствия.

Только предупреждение.

Элира медленно опустила крышку ларца, скрывая потемневший край от Совета.

— Я принимаю заказ, — сказала она.

Рейнар смотрел на неё с мрачным удовлетворением человека, который решил, что победил.

Селеста — с тихой настороженностью женщины, впервые заметившей препятствие.

А Элира, положив ладонь на холодную крышку ларца, думала лишь об одном: если ткань не солгала, то платье для новой невесты станет не её последним унижением.

Оно станет первым доказательством.

Глава 2. Ткань помнит всё

Ларец с тканью оказался тяжелее, чем выглядел.

Элира поняла это не сразу, а только когда один из слуг, не дождавшись приказа Рейнара, шагнул к ней с явным намерением забрать драгоценную основу обратно в руки дома Вейр. В другое время прежняя хозяйка этого тела, возможно, уступила бы, но сейчас Элира положила ладонь на крышку ларца и не отступила.

— Я приняла заказ, — сказала она, глядя не на слугу, а на герцога. — С этой минуты ткань находится под ответственностью мастерицы.

Слуга замер.

Советники переглянулись. Кто-то из женщин у дальней колонны едва заметно приподнял брови, и Элира уловила в этом движении не только раздражение, но и интерес. Бывшая жена, только что лишённая имени Вейр, не должна была говорить таким тоном. Ей полагалось быть сломленной, смиренной, благодарной хотя бы за право уйти не совсем нищей.

Но руки на ларце лежали спокойно.

И ткань внутри молчала уже иначе.

После прикосновения Селесты Элира будто чувствовала сквозь дерево тонкую тревожную дрожь, похожую на отзвук струны, по которой провели острым ногтем. Не звук, не слово, не видение, а память материала. Белая основа не стала чужой. Она всё ещё принимала пальцы Элиры, всё ещё отзывалась на неё тем тихим теплом, которое пришло в первый миг. Но в этом тепле теперь таилась тень.

Рейнар смотрел на её руку.

— Основа принадлежит дому Вейр, — произнёс он.

— До завершения работы она принадлежит обряду, — ответила Элира. — А обрядовая ткань не переходит из рук в руки без отметки мастерицы. Вы сами сказали, что родовой огонь признал её пригодной. Не думаю, что герцог Вейр желает нарушить правила, которые только что призвал меня соблюдать.

На этот раз в зале не послышалось ни смешков, ни шёпота. Молчание стало осторожным. Элира ещё не понимала всех законов этого мира, но успела уловить главное: древняя знать могла презирать человека, однако перед правильно названным правилом ей приходилось останавливаться.

Седой глава Совета, тот самый, что несколько минут назад утверждал развод так, словно ставил печать на испорченном счёте, сузил глаза.

— Леди Арн, вы помните порядок передачи обрядовой основы?

Леди Арн.

Без Вейр.

Имя ударило неожиданно. Коротко, точно, как щелчок ножниц возле самой кожи. Элира не показала, что услышала в этом не просто обращение, а напоминание: её уже отсекли от дома, к которому она принадлежала семь лет.

— Помню достаточно, чтобы не позволить никому испортить работу до первого шва, — сказала она.

Это было полуправдой. Она помнила не разумом. Руки помнили. Пальцы, запястья, кожа под старым ожогом в форме искры. Там, где сознание новой Элиры ещё натывалось на пустоту, тело вдруг давало верный ответ: как держать ларец, какой стороной повернуть печать, где искать внутренний замок, когда нельзя касаться ткани ладонью, а когда — необходимо.

Селеста стояла чуть поодаль и улыбалась с безупречной мягкостью.

— Конечно, — произнесла она. — Мне бы не хотелось, чтобы из-за меня нарушались такие важные тонкости. Леди Элира всегда была... внимательна к правилам.

Пауза перед словом “внимательна” была почти незаметной.

Почти.

Элира повернула к ней голову.

— Правила часто защищают тех, кого люди защищать не хотят.

На лице Селесты ничего не изменилось. Только пальцы, сложенные у пояса, на миг сжались сильнее, и складка голубой ткани под ними легла не так ровно.

Рейнар сделал шаг к столу и взял документ с мастерским договором. Под печатью Вейров вспыхнула тонкая огненная линия, затем погасла.

— Договор будет перенесён в малую мастерскую восточного крыла, — сказал он. — Там вы сделаете первичный эскиз, снимете мерки и определите перечень работ. До окончания церемониального платья вы остаётесь во дворце под надзором дома Вейр.

Элира медленно подняла взгляд.

Вот и ещё одна цепь.

— Несколько минут назад мне сообщили, что я должна покинуть дворец.

— После завершения работы.

— Удобная поправка.

— Не испытывайте моё терпение.

Он сказал это тихо, но воздух вокруг будто стал плотнее. Золотые знаки клятв над столом дрогнули, как пламя на ветру, и Элира впервые ощутила не человеческую, а драконью часть его власти. Что-то древнее, тяжёлое, привыкшее не просить дважды.

Страх пришёл не сразу. Сначала — расчёт.

Если она останется во дворце, за ней будут следить. Если уйдёт, ткань могут заменить, испортить или унести туда, где она ничего не узнает. Если откажется, потеряет всё. Если согласится слишком покорно, станет игрушкой. Значит, надо было выбрать не свободу, которой ей пока не давали, а положение, из которого можно было видеть больше.

— Под надзором, — повторила она. — Значит, вы не доверяете мастерице, от которой зависит обряд вашего дома?

Рейнар задержал на ней взгляд.

— Я не доверяю бывшей жене, которую только что заставил шить платье для другой женщины.

В зале снова стало тихо, но теперь тишина была иной. Не осуждающей Элиру, а настоженной. Рейнар впервые произнёс вслух то, что остальные предпочитали прятать за формулировками. Это не сделало его добрее. Но на мгновение он перестал изображать, будто происходящее — всего лишь законный порядок.

Элира могла бы ответить резко. Слова даже уже поднялись к губам. Но она увидела Селесту — неподвижную, мягкую, внимательную. Новая невеста слушала их с тем выражением, с каким слушают не ссору, а трещину в стене: тихо радуясь, что она появилась.

И Элира проглотила лишнее.

— Тогда не давайте мне повода относиться к работе как к наказанию, милорд, — сказала она. — Мне нужны чистый стол, дневной свет, доступ к старым выкройкам дома Вейр и право закрывать мастерскую на время эскиза.

— Закрывать? — переспросил седой советник. — От кого?

— От всех, кто считает свадебное платье поводом для прогулки и сплетен.

Несколько дам у колонны оскорблённо зашуршали юбками.

Селеста чуть склонила голову.

— Я не стану вам мешать, леди Элира. Обещаю. Я хочу лишь, чтобы платье вышло достойным. Ради Рейнара. Ради его рода.

“Ради его рода”, — отметила Элира.

Не ради брака. Не ради клятвы. Не ради будущего дома, в который она так скромно собиралась войти.

Ради рода.

Слишком правильные слова, произнесённые слишком вовремя.

— Разумеется, — ответила Элира. — Тогда начнём с мерок после эскиза.

— Разве не наоборот? — мягко удивилась Селеста.

Вопрос прозвучал невинно, но несколько советников тут же посмотрели на Элиру внимательнее. Проверка. Новая невеста знала достаточно, чтобы задать вопрос, который мог выставить мастерицу некомпетентной.

И в памяти Элиры всплыло: обычное платье начинали с мерок, обрядовое — с линии клятвы. Если эскиз не принимал будущую клятву, мерки были пустой тратой времени.

— Для бального наряда — наоборот, — сказала Элира. — Для церемониального платья древнего дома сначала выбирается линия клятвы. Иначе можно идеально посадить ткань на тело, которое родовой огонь не примет.

На лице Селесты снова появилась улыбка.

— Как интересно. Я столько всего ещё не знаю.

Да, подумала Элира. Или слишком хорошо знаешь, что нужно спросить.

Рейнар подал знак, и заседание, по сути, закончилось. Советники начали подниматься. Золотые знаки над столом один за другим гасли, оставляя после себя тонкий запах нагретого металла. Люди расходились не спеша, потому что никто не хотел пропустить последнюю сцену: бывшую герцогиню с ларцом в руках, новую невесту рядом с герцогом, молчаливую победу дома Вейр.

Элира не стала ждать, пока кто-нибудь снова попытается забрать основу.

Она взялась за боковые ручки ларца. Вес оказался почти неподъёмным, и на миг мышцы предательски напряглись. Тут же один из слуг шагнул вперёд.

— Позвольте, леди...

— Не позволю.

Слуга остановился так резко, будто наткнулся на невидимую стену.

Элира не знала, сможет ли пронести ларец далеко, но знала, что сейчас нельзя уступить даже такую мелочь. Если ткань с самого начала окажется в чужих руках, все её условия станут пустым звуком.

Рейнар заметил усилие. Конечно, заметил. Он видел слишком многое для мужчины, который семь лет якобы не видел собственную жену. Его взгляд скользнул от её пальцев к крышке ларца, задержался на напряжённых запястьях, затем вернулся к лицу.

— Упрямство не прибавляет вам сил.

— Зато не отнимает достоинства.

Она подняла ларец.

Тяжесть сразу отдалась в плечи. Тело прежней Элиры было выносливее, чем казалось, но последние годы, судя по обрывкам памяти, его держали не в мастерской, а в красивой клетке дворца. Ноги сделали первый шаг слишком осторожно, второй — увереннее. Слуги раскрыли перед ней двери зала.

Когда Элира проходила мимо Селесты, та наклонилась чуть ближе.

— Вы очень храбры, — прошептала она почти ласково. — Жаль, что храбрость не всегда спасает от одиночества.

Элира не остановилась.

— Зато иногда спасает от плохой компании.

Позади кто-то тихо охнул. Селеста не ответила, но Элира кожей почувствовала её взгляд между лопаток — уже не мягкий, не печальный, а точный, холодный, изучающий место будущего удара.

Коридор за залом Совета оказался длинным и почти пустым. Чёрный камень пола отражал окна, в которых горело бледное дневное небо. На стенах висели гобелены с драконами: одни взлетали над горами, другие держали в когтях короны, третьи обвивали башни так, будто защищали их от всего мира. Но один гобелен заставил Элиру замедлить шаг.

На нём была изображена женщина у огромной рамы. Перед ней — белое платье, прошитое золотыми линиями. За спиной женщины стоял дракон в человеческом облике, но смотрел он не на невесту, а на шов под её пальцами.

Внизу серебряными нитями были вышиты слова на языке, которого Элира не знала, но память прежней хозяйки тела перевела их сама:

“Ткань помнит то, что клятва скрывает”.

Она остановилась всего на секунду. Этого хватило, чтобы догнавший её Рейнар заметил.

— Вы всё ещё помните старые изречения мастериц?

— Кажется, они помнят меня лучше, чем некоторые люди.

Он не ответил сразу. Его шаги шли рядом, размеренные, тяжёлые. Не сопровождает, поняла Элира. Конвоирует. Или убеждает себя, что конвоирует.

— В восточном крыле вам предоставят комнату и мастерскую, — сказал Рейнар. — Ваши личные вещи из покоев перенесут после описи.

Элира едва не сбилась с шага.

Опись.

Значит, даже её вещи будут пересчитывать как имущество дома. Платья, письма, шкапулки, инструменты — всё, что прежняя Элира держала при себе, теперь подлежало чужой проверке. Возможно, именно там были ответы. Или хоть что-то, что помогло бы понять, почему её обвиняли в нарушении церемониального долга.

— Мои инструменты, — сказала она. — Их нельзя трогать без меня.

— Вы предъявите список управляющему.

— Нет. Я сама заберу их из покоев.

Рейнар остановился.

Элира была вынуждена остановиться тоже, потому что нести ларец и спорить на ходу становилось всё труднее. Она поставила его на узкую каменную тумбу под окном, но руки оставила на крышке.

— Вы не в положении ставить условия, — сказал он.

— А вы не в положении рисковать свадебным платьем новой герцогини.

В его взгляде вспыхнуло золото.

На этот раз Элира увидела, как оно появилось: не просто цвет, а тонкая вертикальная щель в радужке, на миг делающая его лицо чужим. Дракон, спрятанный под кожей человека, поднял голову.

Страх всё-таки коснулся её. Не паникой, а ясным пониманием: этот мужчина мог приказывать, и стены дворца сами станут клеткой. Но вместе со страхом пришло другое — раздражение. Неужели прежняя Элира семь лет жила рядом с этой силой и всё равно пыталась докричаться до человека внутри неё?

— Если вы испортите платье, — произнёс Рейнар медленно, — если хоть один шов окажется сделан с намерением сорвать церемонию, я расценю это как месть. И на этот раз Совет не ограничится разводом.

Элира внимательно посмотрела на него.

Он действительно верил, что опасность исходит от неё. В этом была почти оскорбительная простота. Потемневшая ткань, взгляд Селесты, слишком точные вопросы, её быстрый интерес к родовым словам — всего этого для него будто не существовало. Он видел бывшую жену и заранее назначал её виновной во всём, что могло пойти не так.

— Вы боитесь, что я отомщу? — спросила Элира.

— Я знаю, как далеко заходят униженные люди.

— Нет, милорд. Вы знаете, как далеко их доводят. Это не одно и то же.

Рейнар хотел ответить, но из боковой галереи вышел пожилой мужчина в строгом тёмно-зелёном камзоле. На груди у него висела связка ключей, а на рукаве — знак дворцового управляющего. Он поклонился герцогу, затем Элире, причём второй поклон был заметно короче.

— Восточная мастерская готова, ваша светлость.

Обращался он к Рейнару. Элиру словно не видел.

— Проводите леди Арн, — приказал герцог. — И проследите, чтобы всё необходимое для эскиза было доставлено немедленно.

— Слушаюсь.

— И ещё, Гарден. Без моего разрешения леди Арн не покидает восточное крыло.

Элира усмехнулась прежде, чем успела остановить себя.

— Какая щедрая свобода после развода.

Управляющий побледнел, будто она сказала что-то неприличное. Рейнар же просто посмотрел на неё так, что воздух между ними стал холоднее.

— Это защита договора.

— Конечно. В вашем доме все цепи называются защитой.

На миг ей показалось, что он всё-таки скажет что-то настоящее. Не приказ, не предупреждение, не очередную холодную формулу, а то, что осталось за семью годами чужого брака и сегодняшним унижением. Но лицо Рейнара снова стало непроницаемым.

— Работайте, Элира. Это единственное, что сейчас может вам помочь.

Он развернулся и ушёл по коридору к залу Совета, где его, вероятно, ждала Селеста.

Элира смотрела ему вслед всего несколько секунд, но за эти секунды успела понять важное: злиться на него было легко. Слишком легко. Гораздо труднее было не позволить этой злости ослепить её так же, как его ослепила уверенность в собственной правоте.

— Леди Арн, — сухо произнёс управляющий. — Если позволите.

Не позволю, хотелось сказать ей.

Но ларец ждал. Ткань внутри всё ещё была единственным доказательством того, что в этой свадьбе не всё чисто. И пока это доказательство доверяло её рукам, приходилось идти туда, где можно было работать.

Восточное крыло оказалось старше главных залов. Здесь не было блеска Совета и выверенного великолепия приёмных комнат. Каменные стены казались теплее, окна — уже, а воздух пах сухим деревом, тканью и давно погасшим огнём. Когда управляющий распахнул дверь мастерской, Элира на мгновение забыла о боли в плечах.

Комната была большой.

Не роскошной, но правильной. С высоким окном на внутренний двор, длинным столом у стены, пустыми рамами для натяжения ткани, шкафами с плоскими ящиками и старым зеркалом в потемневшей бронзовой оправе. В углу стоял манекен, затянутый серым полотном. У дальней стены — пюпитр для эскизов и широкое кресло, слишком простое для дворца, но удобное для долгой работы.

Чужое тело отозвалось на мастерскую так, как не отозвалось ни на зал Совета, ни на имя мужа.

Узнаванием.

Элира поставила ларец на стол. Руки дрожали от тяжести, и она позволила себе спрятать это движение, пока управляющий отдавал распоряжения двум служанкам. Те принесли чистую воду для пальцев, полотенца, коробку с угольными стержнями, несколько листов плотной бумаги и тонкие деревянные линейки. Всё это появилось быстро, слишком быстро — значит, мастерскую готовили заранее. Её не просто вынудили принять заказ. Её место в этом унижении было подготовлено до мелочей.

— Ваши покои находятся за соседней дверью, — сказал Гарден. — Дверь в коридор будет заперта на ночь. По распоряжению его светлости.

— А окна?

Управляющий посмотрел на неё с неодобрением.

— Окна выходят во внутренний двор. Спускаться оттуда небезопасно.

— Я спросила не о безопасности.

Он сделал вид, что не понял.

— Через час леди Селеста прибудет для предварительной беседы.

Элира подняла голову.

— Нет.

— Простите?

— Сегодня не будет беседы с леди Селестой. Мне нужно осмотреть основу, принять мастерскую, проверить свет и восстановить рабочий порядок. Невеста понадобится после эскиза.

— Но леди Селеста выразила желание...

— Леди Селеста не мастерица.

Управляющий поджал губы.

— Я должен доложить его светлости.

— Доложите. Заодно передайте, что если герцог желает платье, признанное родовым огнём, ему придётся позволить мне работать по правилам обряда, а не по прихотям придворного расписания.

Гарден поклонился почти незаметно. Служанки вышли вслед за ним, и дверь закрылась.

Элира осталась одна.

Только теперь она позволила себе прислониться ладонями к краю стола и медленно выдохнуть. Не глубоко, не шумно — иначе можно было сорваться. Всё, что произошло с момента пробуждения, стояло внутри слишком плотно: чужой мир, развод, холодный взгляд Рейнара, улыбка Селесты, браслет на полу, ларец, тёмное пятно на ткани.

Она посмотрела на своё отражение в старом зеркале.

На неё смотрела женщина лет двадцати семи или двадцати восьми, очень бледная после пережитого, с тёмно-каштановыми волосами, собранными в сложную, уже слегка растрёпанную причёску. Лицо было красивым, но красота казалась истончённой, будто её годами держали под слоем вежливого молчания. Глаза — серые, внимательные, сейчас почти чужие самой себе.

— Ну что, Элира Арн, — тихо сказала она отражению. — Кажется, нас обеих сегодня списали.

И в этот момент чужая память ответила.

Не словами. Целым потоком ощущений, которые поднялись от мастерской: запах натянутого полотна, щёлк ножниц, тёплая тяжесть катушки в ладони, девичий восторг от первого признанного шва, лицо пожилой наставницы с суровыми глазами, первая церемония, на которой платье вспыхнуло золотом, потому что невеста сказала правду. Потом — дворец Вейров, закрытая шкатулка, запрет работать без разрешения мужа, Рейнар, который однажды бросил через плечо: «В доме герцогини не место ремесленнице».

Элира стиснула край стола.

Вот оно.

Прежняя Элира была не просто женой, которую сочли бесполезной. Она была мастерицей, у которой забрали ремесло, а потом обвинили в том, что она ничего не дала роду.

Эта мысль оказалась такой ясной и такой злой, что даже страх на время отступил.

Она открыла ларец.

Белая ткань лежала спокойно. Потемневший участок у края исчез — или спрятался так глубоко, что обычный глаз больше не видел следа. Элира осторожно коснулась места, где пальцы Селесты оставили тень. Ткань была гладкой, чуть тёплой. Но под гладкостью ощущалась неровность, словно в переплетение попала чужая нить.

Не порча. Не грязь. Не случайность.

След намерения.

Она не знала, откуда взялось это слово, но оно было точным. Ткань помнила не прикосновение кожи. Она помнила то, с чем к ней прикоснулись.

Элира вынула основу из ларца и перенесла на большой стол. Движения давались всё легче, будто тело, оказавшись в мастерской, просыпалось полнее. Она не знала названий всех инструментов, но понимала, что для первого эскиза нужны не нити и не рама, а бумага, уголь и тишина.

Сначала она обошла стол, проверила, как падает свет. Потом раскрыла ящики. В одном лежали старые грузики для ткани, в другом — гладкие костяные пластины с выгравированными линиями, в третьем — тонкие шнуры для разметки. Она брала вещи осторожно, и каждая находила место в ладони так естественно, будто не было никакой мокрой мостовой, фар и другой жизни. Будто всегда существовала только эта мастерская и белая основа, которая ждала её решения.

На нижней полке шкафа обнаружились старые книги выкроек. Элира раскрыла первую — не из любопытства, а из необходимости. Страницы были плотными, по краям потемневшими от времени. На них — линии платьев, подписи, родовые знаки, примечания мастериц. Часть слов она не умела читать, но память услужливо подсказывала смысл.

Платье входа в род.

Платье примирения огня.

Платье второй клятвы.

Платье истинного имени.

На последнем названии пальцы задержались.

Она не стала углубляться. Слишком много нового могло запутать сильнее, чем помочь. Ей сейчас требовалось не знание всего мира, а первый шаг.

Элира взяла лист бумаги и положила его на пюпитр.

С чего начинать платье для женщины, которой она не доверяла? С красоты? С защиты? С ловушки? С простого исполнения договора, чтобы выжить и уйти?

Рейнар предупредил: если платье будет испорчено, он сочтёт это мстью. Селеста следила за каждым её словом. Совет, вероятно, уже решил, что бывшая жена способна на отчаянный поступок. Любая резкая линия, любой странный шов могли повернуть против неё.

Значит, платье должно быть безупречным.

Настолько правильным, чтобы никто не смог обвинить мастерицу.

И настолько честным, чтобы ткань сама сказала то, что Элира пока не имела права произнести.

Она опустила уголь на бумагу.

Первая линия вышла неуверенной, почти чужой. Элира нахмурилась, отложила стержень и посмотрела на свои руки. Не надо было заставлять их. Это тело знало ремесло лучше, чем она. Надо было не командовать, а слушать.

Вторая линия легла мягче.

Плечи. Высокий ворот, который должен был открыть шею невесты для родовой клятвы, но не дать чужому знаку спрятаться под кружевом. Узкая талия без лишнего украшения, чтобы ткань не заслоняла реакцию огня. Длинные рукава — не из скромности, а потому что на внутренней стороне можно было провести скрытую линию свидетельства. Подол широкий, цере-

мониальный, достойный дома Вейр. Никакой мести. Никакой уродливой насмешки. Платье должно было быть прекрасным.

И опасным только для лжи.

Элира работала долго. За окном сместился свет, и тень от рамы легла на пол косым прямоугольником. Несколько раз в коридоре слышались шаги. Один раз кто-то остановился у двери. Она не подняла головы. Если это была Селеста, пусть слушает тишину. Если Рейнар — тем более.

Когда первый эскиз обрёл форму, Элира отступила на шаг.

На бумаге было платье, которое могло бы заставить весь двор ахнуть. Не слишком пышное, не детски нежное, не показательно роскошное. В нём была сила древнего дома: чистая линия, сияющая основа, рукава с тонкой драконьей вязью, подол, расходящийся мягкой волной. Селеста в таком платье выглядела бы почти святой.

Если бы ткань позволила.

— Неплохо, — раздался голос от двери.

Элира резко повернулась, но не вскрикнула.

Рейнар стоял на пороге мастерской. Дверь была приоткрыта, и за его плечом виднелся коридор. Она не слышала, как он вошёл. Или он не вошёл — только открыл дверь и остановился, соблюдая формальную границу её пространства. Это было странно. От человека, который только что запер её в восточном крыле, она ожидала меньшей деликатности.

— У вас принято входить в мастерскую без разрешения? — спросила она.

— Это мой дворец.

— А это моя работа.

Он посмотрел на пюпитр, потом на ткань, разложенную на столе.

— Вы быстро вспомнили свой прежний тон.

— Возможно, он никуда не исчезал. Просто раньше его не слушали.

Рейнар вошёл всё-таки, но не приблизился к ткани. Элира заметила это и против воли отметила: он знал границы мастерской. Или помнил. Значит, не был так равнодушен к её ремеслу, как хотел казаться.

— Гарден сказал, вы отказали Селесте в предварительной беседе.

— Я отложила её. Между этими словами есть разница.

— Селеста приняла это спокойно.

Элира почти улыбнулась.

— Уверена, внешне она всё принимает спокойно.

Рейнар посмотрел на неё с предупреждением.

— Осторожнее.

— Я и так осторожна. Именно поэтому сначала рисую платье, а не делаю вид, будто всё в порядке.

Он подошёл ближе к пюпитру. Элира не стала закрывать эскиз. Пусть смотрит. Пусть видит, что она не делает уродливую карикатуру, не рвёт договор и не пачкает работу мелкой обидой.

Рейнар молча изучал рисунок.

Его лицо оставалось строгим, но взгляд изменился. Он смотрел не как бывший муж на бывшую жену, а как глава дома на вещь, имеющую значение для рода. Это было не то признание, которое могло бы что-то исправить, но достаточно, чтобы Элира поняла: платье его задело.

— Это достойно Вейров, — сказал он наконец.

— Какое счастье, что разведённая женщина ещё способна не опозорить ваш род.

Он медленно повернул к ней голову.

— Вы намерены отвечать колкостью на каждую фразу?

— Нет. Только на те, где вы забываете, что разговариваете не с инструментом.

Пауза вытянулась.

За окном крикнула птица. В коридоре звякнули ключи, потом стихли.

— Я не считал вас инструментом, — произнёс Рейнар.

Элира смотрела на него и впервые ясно почувствовала: вот здесь была одна из трещин прежнего брака. Не в том, что он был чудовищем и не в том, что она была святой жертвой. Он действительно мог не считать её инструментом. Но распоряжался её жизнью так, будто разницы не было.

— Это не имеет значения, если обращались вы со мной именно так.

Он принял удар молча. Не раскаялся, нет. Но и не отмахнулся сразу. Его взгляд скользнул к её запястью, где ещё утром был брачный обруч. На коже остался бледный след, почти невидимый в свете окна.

— Завтра утром Селеста придёт на первую примерочную беседу, — сказал он. — Я буду присутствовать.

— Зачем?

— Чтобы убедиться, что вы не перейдёте границу.

— Или чтобы убедиться, что она её не перейдёт?

Рейнар нахмурился.

— Что это значит?

Элира могла бы сказать о потемневшей ткани. Могла бы прямо сейчас указать на место у края основы, потребовать объяснений, заставить Селесту снова коснуться полотна при свидетелях. Но что у неё было? Мгновение. Тень, которую никто не видел. Собственное слово бывшей жены, уже подозреваемой в возможной мести.

Нет. Рано.

— Это значит, — сказала она, — что обрядовое платье требует уважения от всех участников. Не только от мастерицы.

Рейнар не поверил. Она видела это по его глазам. Но, возможно, впервые за день не списал её слова целиком.

— Если вы что-то знаете, говорите прямо.

— Если бы мне верили, милорд, возможно, сегодня не понадобился бы Совет.

Его лицо снова закрылось.

— Завтра утром, — повторил он. — Не заставляйте меня жалеть, что я оставил работу вам.

— А вы не заставляйте меня жалеть, что я её приняла.

Он задержался ещё на секунду. Так, словно хотел добавить что-то резкое, но передумал. Затем развернулся к двери.

— Элира.

Она не ответила сразу. Это имя в его голосе звучало иначе, когда рядом не было Совета. Всё ещё холодно, но без той нарочитой официальности, которой он отсекал её от себя в зале.

— Что?

— Не делайте из платья оружие.

Она посмотрела на белую основу, лежащую на столе.

— Оружием его сделает не мастерица, — сказала она. — А тот, кто солжёт перед огнём. Рейнар ушёл.

Дверь закрылась, и в мастерской снова стало тихо.

Элира долго стояла неподвижно, прислушиваясь к шагам в коридоре. Только когда они стихли окончательно, она вернулась к пюпитру. Надо было закончить эскиз до наступления темноты, пока свет позволял видеть линии. Надо было успеть обозначить скрытый шов, записать порядок работы и спрятать всё, что нельзя показывать ни Рейнару, ни Селесте, ни управляющему.

Она взяла угольный стержень.

На бумаге платье казалось завершённым, но внутри что-то не отпускало. Линия клятвы была правильной, подол — достойным, рукава — достаточно строгими. И всё же эскиз смотрел на неё пустым белым лицом, будто ждал последнего знака.

Элира коснулась пальцами края ткани, затем вернулась к бумаге.

— Что ты помнишь? — тихо спросила она.

Это было глупо. Ткань не могла ответить словами.

Но стержень в её руке вдруг стал тяжелее.

Не сам по себе — так показалось. Пальцы повели линию прежде, чем она успела решить, что рисует. Сначала лёгкая тень над лифом. Потом изгиб, похожий на верхнюю дугу короны. Элира нахмурилась и попыталась остановиться, но рука двигалась с пугающей точностью, будто не она создавала рисунок, а вытаскивала на бумагу то, что уже существовало где-то под белизной основы.

Корона получилась драконьей: высокая, тонкая, с зубцами, напоминающими языки пламени.

Элира не хотела рисовать корону. На свадебном платье новой герцогини такой знак был слишком сильным, почти вызывающим. Он говорил не о браке, а о власти.

Она отложила уголь, но линия не закончилась.

По центру короны медленно проступила чёрная нить.

Не нарисованная. Не угольная. Она появилась в самом волокне бумаги — тонкая, тёмная, будто кто-то прошил эскиз с обратной стороны невидимой иглой. Нить пересекла корону наискось, оставив за собой резкий след, и остановилась у края листа.

Элира не дышала несколько мгновений, боясь спугнуть происходящее.

Потом осторожно провела пальцем по линии.

Уголь не размазался.

Чёрная нить осталась.

И в тишине мастерской белая ткань в раскрытом ларце едва заметно дрогнула, словно подтверждая: она действительно помнила больше, чем могла сказать.

Глава 3. Примерка для предательницы

К утру чёрная нить на эскизе не исчезла.

Элира проснулась ещё до рассвета, хотя назвать это сном было трудно. Ночь прошла обрывками: то ей снился мокрый блеск мостовой из прежнего мира, то зал Совета, где брачный браслет падал к её ногам, то белая ткань, на которой чужое прикосновение оставляло тень. В какой-то миг она даже решила, что проснулась от шороха в мастерской, но когда поднялась с узкой кровати в соседней комнате и вышла босиком к рабочему столу, там никого не было.

Только эскиз.

Лист лежал там же, где она оставила его вечером, прижатый по углам гладкими костяными пластинами. Угольные линии платья за ночь не изменились. Высокий ворот, спокойный разворот плеч, длинные рукава, широкий церемониальный подол — всё выглядело достойно, строго и даже красиво.

Но над лифом по-прежнему темнела драконья корона.

А через неё, наискось, проходила тонкая чёрная линия, не похожая ни на уголь, ни на чернила, ни на случайную царапину. Она словно проросла сквозь бумагу изнутри, и от одного взгляда на неё у Элиры появлялось ощущение, будто кто-то в тишине произнёс предупреждение, но не договорил его до конца.

Она провела пальцем по краю листа. Линия не смазалась и не осыпалась. Бумага под ней была гладкой, однако чужая память подсказала: так выглядел не рисунок, а знак, который обрядовая вещь оставляла сама, если мастерица задавала правильный вопрос.

Что ты помнишь?

Ответ оказался слишком расплывчатым, чтобы идти с ним к Рейнару, и слишком тревожным, чтобы его игнорировать.

Элира осторожно сняла лист с пюпитра и спрятала его в нижний ящик, под старую книгу выкроек. Показывать этот эскиз нельзя было никому. Не сейчас. Рейнар увидел бы в перечёркнутой короне угрозу своему дому и, скорее всего, решил бы, что бывшая жена всё-таки начала мстить. Селеста, если действительно понимала больше, чем хотела показать, стала бы осторожнее. Совет с радостью превратил бы странную линию в новое обвинение против леди Арн.

Значит, нужен был второй эскиз.

Похожий, безупречный, безопасный для чужих глаз.

Элира умылась в холодной воде из медного таза, привела в порядок волосы, насколько позволяли чужие шпильки и чужие привычки, и вернулась к столу. В ящиках восточной мастерской нашлась простая тёмная лента, и она стянула ею волосы у затылка, освободив шею от тяжёлой дворцовой причёски. Платье, в котором она вчера стояла перед Советом, было измято, но другого ей пока не принесли. Бледный след от брачного обруча на запястье всё ещё был виден, и Элира не стала закрывать его кружевом.

Пусть видят.

Если вчера они хотели сделать из её развода зрелище, сегодня она могла хотя бы не притворяться, будто рана не существует.

Второй эскиз дался легче. Теперь рука уже знала основную линию, но Элира намеренно убрала всё, что могло выглядеть как знак власти. Оставила чистый ворот, мягкую драконью вязь по рукавам, правильный подол, скрытую линию клятвы внутри будущей складки. Это платье выглядело таким, каким его хотел бы видеть дом Вейр: торжественным, светлым, достойным новой герцогини.

И всё же в самом низу, там, где обычный взгляд видел только декоративный изгиб, Элира оставила место для старого мастерского правила.

Ткань должна показать истинное намерение того, кто её носит.

Она не знала, как именно это сработает. Память прежней Элиры давала не подробное наставление, а ощущение: на примерке достаточно временного шва, если он проходит по линии подола и касается основы в тот момент, когда невеста принимает форму платья на себе. Шов не раскрывает всю правду, не выносит приговор и не заменяет обряд. Он лишь даёт ткани возможность отозваться.

Тихо. Мгновенно. Почти незаметно.

Именно это было нужно.

К тому времени, когда в коридоре раздались шаги, мастерская уже выглядела так, будто хозяйка провела здесь не тревожную ночь, а обычное рабочее утро. На большом столе лежала белая основа, рядом — чистая бумага с новым эскизом, линейки, тонкие шнуры для разметки, несколько катушек светлой нити и иглы в плоской шкатулке. Ларец был открыт, но сдвинут так, чтобы потемневший вчера край, если он решит проявиться снова, оставался в тени.

Дверь распахнулась без стука.

Гарден вошёл первым. За ним — две служанки с подставками для ткани, ещё одна с большим зеркалом, а следом, не спеша, появились знатные дамы.

Элира поняла это по шороху.

У дорогих платьев был особый звук: не просто шелест ткани, а мягкое, уверенное присутствие денег, титула и чужой привычки занимать пространство. Дам было пятеро. Та, что вчера улыбалась за веером у колонны, оказалась среди них. Рядом с ней стояла высокая женщина с серебряными нитями в тёмных волосах, ещё две были моложе и не скрывали любопытства. Пятая держалась чуть позади и смотрела не на Элиру, а на белую ткань с жадным интересом человека, которому важнее интрига, чем платье.

— Я не приглашала зрителей, — сказала Элира.

Гарден поджал губы.

— Леди прибыли сопровождать будущую герцогиню по её просьбе. Это не запрещено обычаем.

— Обычай не отменяет правил мастерской.

— Но и мастерская не отменяет положения невесты дома Вейр, — прозвучал от двери мягкий голос.

Селеста вошла в светлом платье цвета утреннего неба.

Сегодня её образ был ещё более выверенным, чем вчера. Ни одной лишней складки, ни одного слишком яркого украшения, ни одного признака торжества. Она выглядела как женщина, которой неловко быть причиной чужой боли, но которая мужественно несёт свою судьбу ради великого дома. Светлые волосы были уложены низко, на груди мерцала тонкая брошь в форме раскрытого крыла. Элира заметила, что брошь была не драконьей. Птица. Или что-то похожее на птицу. Странная деталь для будущей герцогини Вейр, чей дом везде показывал драконов, огонь и нити.

За Селестой вошёл Рейнар.

Он остановился у двери, не переходя сразу в центр мастерской. Сегодня на нём был не мундир Совета, а тёмный камзол с серебряной вышивкой по вороту. Более простой, но от этого не менее властный. При его появлении дамы почти одновременно склонили головы. Селеста повернулась к нему с той безупречно тихой благодарностью, которую придворные, должно быть, считали признаком истинной нежности.

Элира видела другое.

Селеста снова проверила зал. Мастерскую, окна, стол, ткань, дам, расстояние до Рейнара, место, где стоит Элира. Быстро, почти незаметно. Как вчера в Совете.

— Доброе утро, леди Элира, — сказала она. — Надеюсь, я не слишком рано.

— Для невесты — нет. Для свиты — да.

Одна из молодых дам тихо фыркнула, но быстро опустила глаза, когда Рейнар посмотрел в её сторону.

— Я подумала, — Селеста чуть смутилась, — что присутствие дам поможет избежать неловкости. Всё-таки наша ситуация необычна.

Наша.

Элира положила ладонь на край стола, рядом с белой основой.

— Неловкость обычно уменьшается, когда её не приводят с собой целой процессией.

На лице Селесты промелькнуло подобие печали.

— Я не хотела вас задеть.

— Тогда нам обеим повезло: я пришла сюда работать, а не искать утешения.

Рейнар сделал шаг вперёд.

— Элира.

Одно имя. Предупреждение.

Она повернула к нему голову.

— Милорд, я готова провести примерочную беседу и первичную посадку ткани. Но я не устраиваю представление.

— Никто не просит представления.

— Тогда лишние люди выйдут.

В мастерской повисла тишина, плотная и неудобная. Дамы смотрели то на Рейнара, то на Селесту, то на Элиру, и в их глазах постепенно проступало удовольствие. Не от ткани и не от обряда. От того, что конфликт начинался прямо при них.

Селеста первой нарушила молчание.

— Если леди Арн так спокойнее, я могу попросить дам подождать в соседней гостиной.

Леди Арн.

Опять не Элира. Не мастерица. Не бывшая герцогиня.

Формально правильно. По сути — тонкий укол.

— Не стоит, — сказал Рейнар.

Элира посмотрела на него.

Он выбрал не её правило. Опять.

— Дамы останутся у стены и не будут вмешиваться, — продолжил он. — Эта примерка важна для дома. Свидетели не повредят.

Свидетели.

Она услышала настоящее слово под официальным. Наблюдатели. Надзор. Гарантия, что бывшая жена не сделает ничего, что нельзя будет сразу назвать мстью.

Хорошо.

Если им нужны свидетели, они их получат.

— В таком случае, — сказала Элира ровно, — прошу всех помнить: пока ткань находится на примерочной линии, любое слово, сказанное рядом с ней, может быть принято обрядом как намерение. Не советую шутить, злословить или давать обещания, которые вы не собираетесь держать.

На этот раз фыркнуть не посмел никто.

Две дамы у стены почти одновременно отступили на полшага.

Селеста улыбнулась чуть шире.

— Как строго.

— Как безопасно.

Элира взяла новый эскиз и развернула его к невесте. Селеста подошла ближе, но не слишком. Она смотрела на рисунок долго, внимательно, и только по едва заметному напряжению возле губ Элиры поняла: платье оказалось не тем, чего она ожидала.

— Оно прекрасно, — сказала Селеста. — Очень сдержанно.

— Для входа в древний дом сдержанность уместнее, чем роскошь.

— Разумеется. Я ведь и сама не люблю лишнего блеска.

“Но любишь власть”, — подумала Элира, вспомнив корону на спрятанном эскизе.

Рейнар подошёл к пюпитру, взглянул на рисунок и задержал внимание на подоле.

— Вы изменили верхнюю часть.

— Убрала то, что могло быть неверно понято.

Он перевёл взгляд на неё. Вчера он видел первый вариант. Возможно, не все детали, но достаточно, чтобы заметить разницу. Элира встретила его взгляд спокойно. Пусть думает, что она прислушалась к его предупреждению о платье-оружии.

— Мудро, — сказал он.

Селеста чуть повернулась к нему.

— Вы видели другой эскиз?

Вопрос был мягким, но мастерская вдруг словно стала теснее.

Элира не стала вмешиваться. Она лишь наблюдала. Селеста спросила не как ревнивая невеста, а как человек, который хотел знать, сколько у бывшей жены и герцога уже было разговоров без неё.

— Предварительную линию, — ответил Рейнар. — Не более.

— Я рада, что вы следите за работой, — сказала Селеста. — Мне так спокойнее.

Элира взяла тонкий шнур для разметки.

— Прошу на примерочную подставку.

Манекен отодвинули, зеркало поставили напротив окна, и Селеста поднялась на низкую круглую площадку. Двигалась она грациозно, без суеты. Дамы у стены зашептались, но один взгляд Рейнара заставил их умолкнуть.

Элира подошла к столу и подняла белую основу.

Ткань легла на руки тяжело и послушно. Вчера она была просто прекрасной, сегодня — уже настороженной. Так, по крайней мере, казалось Элире. Возможно, она слишком сильно хотела услышать подтверждение своим подозрениям. Возможно, всё объяснялось усталостью, чужим телом, страхом и тем, что она проснулась в мире, где свадебные ткани отвечали на прикосновения.

Но когда она приблизилась к Селесте, ткань под её пальцами натянулась чуть плотнее.

Никто другой этого бы не заметил.

— Я должна коснуться ваших плеч, талии и линии подола, — сказала Элира. — Это рабочая необходимость.

— Конечно, — ответила Селеста. — Я полностью вам доверяю.

Слишком громко для доверия. Так, чтобы услышал Рейнар.

Элира не ответила.

Она набросила основу на плечи Селесты. Белое полотно потекло вниз мягкой волной, скрывая голубое платье и превращая будущую невесту в сияющую фигуру из недописанного обряда. Дамы у стены тихо ахнули. Даже Элира на миг признала: внешне Селеста подходила этой ткани почти идеально. Нежность лица, светлые волосы, тонкая шея, спокойная осанка — всё складывалось в образ женщины, которую легко принять за благословение дома.

Но ткань помнила не внешность.

Элира поправила складку у плеча. Потом провела шнуром линию будущего воротника, отметила место внутреннего крепления, отступила, оценивая пропорции. Профессиональная часть памяти работала удивительно уверенно. Где-то внутри настоящая Элира, та, что ещё недавно жила в другом мире и держала в руках свою разорванную фату, наблюдала за этим почти со стороны. Она не знала законов Совета, но знала, как сидит ткань, когда человек пытается казаться тем, кем не является.

На Селесте основа лежала красиво.

Слишком красиво.

Так лежит маска, идеально подобранная к лицу.

— Вы смотрите так серьёзно, — сказала Селеста. — Что-то не так?

— Пока я только смотрю.

— Надеюсь, вы не ищете недостатки во мне, леди Элира.

— Мне достаточно недостатков посадки.

Одна из дам едва слышно прыснула, но тут же прикрылась веером.

Селеста улыбнулась.

— Вы правы. Простите. Я просто волнуюсь.

— Не стоит. Ткань не обижает тех, кто приходит к ней честно.

На этот раз Селеста замолчала.

Элира опустила рядом с подолом, но не на колени. Она присела на низкий рабочий табурет, который заранее поставила у площадки. Ей хватило ума предусмотреть это ещё утром. Вчерашнего унижения Совета было достаточно; сегодня она не собиралась позволять никому превращать работу мастерицы в поклон перед соперницей.

Селеста посмотрела на табурет.

Только на миг.

Потом сказала:

— Боюсь, с этой стороны подол лёг неровно. Может быть, вам удобнее будет встать ниже?

Я не хочу, чтобы из-за моей позы вы ошиблись.

Фраза была произнесена почти заботливо.

Дамы у стены затаили дыхание. Рейнар ничего не сказал.

Элира медленно подняла взгляд. Селеста смотрела на неё сверху вниз, вся в белой ткани, с мягким сожалением на губах. Со стороны это выглядело невинно: невеста беспокоится о работе, мастерица должна поправить подол. Но Элира отлично поняла, чего ждут. Колени. Каменный пол. Бывшая жена у ног новой.

Рейнар стоял у пюпитра.

Он видел.

И молчал.

Вот это молчание оказалось большее самой просьбы. Не потому, что Элира ждала защиты. Не ждала. Но в какой-то глубине чужого тела, там, где ещё жила память прежней Элиры, что-то всё равно надеялось: хотя бы сейчас он поймёт, как это выглядит.

Не понял.

Или понял, но решил не вмешиваться.

Элира медленно встала с табурета.

— Вы правы, леди Селеста. Для нижней линии нужно другое положение.

По мастерской прошёл шелест. Дамы приготовились к зрелищу. Селеста чуть опустила ресницы, будто ей было неловко.

Элира взяла с рабочего стола плоскую деревянную подставку для ткани, поставила её перед площадкой, затем подняла край белой основы и аккуратно уложила на подставку. После этого сама осталась стоять, лишь слегка наклонившись.

— В обрядовой мастерской, — сказала она ровно, — на колени становится ткань, а не мастерица. Так её учат принимать форму будущей клятвы.

Молчание стало почти слышимым.

Селеста медленно подняла ресницы.

— Я не знала.

— Теперь знаете.

Элира почувствовала взгляд Рейнара. Не такой, как раньше. Более острый. Внимательный. Возможно, он наконец понял, какую сцену только что позволил устроить. Возможно, просто оценил, как ловко она вышла из ловушки.

Это уже не имело значения.

Она работала.

Сначала закрепила боковую линию мягкими зажимами, потом отметила длину подола светлой нитью. Каждое движение должно было выглядеть обычным: подколоть, расправить, отойти, посмотреть, снова приблизиться. Но на внутренней стороне подола, там, где ткань соприкасалась с тенью от площадки, Элира начала старый временный шов.

Он не был красивым. Его не должны были увидеть. Шов ложился почти невидимо, маленькими точками, которые соединяли основу с линией будущей клятвы. Память вела руку осторожно: не слишком глубоко, чтобы не повредить основу, не слишком слабо, чтобы ткань успела спросить.

Селеста стояла спокойно.

— Вам не тяжело? — спросила она.

— Работать?

— Работать для меня.

Дамы у стены снова оживились. Кто-то тихо выдохнул, предвкушая ответ.

Элира вытянула следующую петлю.

— Тяжело бывает носить чужую ложь. Ткань легче.

Рейнар чуть сдвинулся с места.

Селеста не дрогнула.

— Вы считаете, что я лгу?

— Я говорила о ткани.

— Но смотрели на меня.

Элира подняла голову. Их взгляды встретились снизу вверх — и всё же Элира не почувствовала себя ниже. Селеста стояла на площадке в белой основе, окружённая вниманием, будущая герцогиня, почти победительница. А Элира держала в руках иглу и знала: иногда именно маленькая вещь решает, чья правда останется в комнате после того, как все красивые слова закончатся.

— Невеста и ткань теперь связаны, — сказала она. — Придётся смотреть на обеих.

Рейнар наконец вмешался:

— Достаточно.

Слово было обращено к ним обоим, но прозвучало так, будто виновата была только Элира.

Она не стала спорить. Последний участок временного шва как раз подходил к нужной точке. Ей оставалось сделать маленькую закрепку у самого края подола.

Селеста вдруг чуть сместила ногу.

Не резко. Не так, чтобы это можно было назвать намеренным движением. Но достаточно, чтобы край ткани потянулся, и игла могла уйти не туда.

Элира успела перехватить основу.

Металл прошёл по самому краю, не задев ничего лишнего. Она подняла глаза и увидела на лице Селесты безупречное сожаление.

— Простите, я, кажется, пошатнулась.

— Ничего. Я привыкла работать с подвижной тканью.

— С тканью? — переспросила Селеста.

— Конечно.

Дамы у стены снова затихли. Теперь в их молчании было уже не только удовольствие, но и неуверенность. Сцена переставала быть простой забавой, где бывшую жену опускают к ногам новой. В ней появилось что-то другое — тонкое, непонятное, опасное.

Элира сделала закрепку.

И ткань ответила.

Сначала ничего не произошло. Белая основа лежала на подставке ровно, шов исчезал в переплетении нитей, Селеста держала осанку, Рейнар смотрел слишком пристально. Элира уже решила, что ошиблась. Что память подвела её, что старое правило требует не временного шва, а полного обряда, что вчерашняя тень была случайностью или обманом усталого сознания.

Потом по подолу прошёл холод.

Не настоящий холод, не тот, от которого дрожит кожа, а ощущение, будто в мастерской на мгновение погас невидимый огонь. Белая ткань у края вспыхнула узором — не ярко, не для всех. Тонкие чёрные линии проступили внутри подола, переплетаясь в чужой знак: острые изгибы, похожие то ли на перья, то ли на трещины в короне. Узор появился на миг, ровно там, где Селеста касалась тканью площадки, и тут же спрятался обратно в белизну.

Никто не вскрикнул.

Никто не отступил.

Значит, никто не увидел.

Кроме Элиры.

И, возможно, Селесты.

Потому что новая невеста перестала улыбаться. Не полностью — губы ещё держали форму, но глаза изменились. На долю секунды в них промелькнуло не предупреждение, как вчера, а раздражение. Настоящее. Неприкрытое. Она не ожидала, что временный шов срывает уже сейчас.

Элира опустила голову, будто проверяла подол.

— Линия принята, — сказала она.

Голос прозвучал ровно. Почти спокойно.

Рейнар подошёл ближе.

— Что это значит?

— Что ткань согласилась на первичную посадку.

— И всё?

Она поднялась, аккуратно вытягивая иглу из последней петли.

— Для первого утра после развода, милорд, это уже немало.

Он не оценил ответа. Смотрел на неё так, будто чувствовал: под обычными словами что-то скрыто, но не мог ухватить это за край.

Селеста первой сошла с площадки. Элира помогла снять основу, не позволяя ткани снова коснуться её пальцев напрямую. Это было непросто: Селеста всё время будто случайно оказывалась ближе, чем нужно, то задерживала рукав, то поворачивалась не в ту сторону, то мягко благодарила за каждую мелочь. При свидетелях она выглядела терпеливой невестой, которая мужественно переносит резкость бывшей жены.

Элира выглядела холодной мастерицей.

Пусть.

Иногда выглядеть холодной безопаснее, чем позволить кому-то увидеть, как сильно внутри всё сжато.

Когда основа вернулась на стол, дамы наконец заговорили. Осторожно, сдержанно, но в их голосах уже слышалось разочарование: ожидаемого падения не случилось. Бывшая жена не встала на колени, не сорвалась, не испортила ткань и даже не дала повода для громкого возмущения.

— Платье будет великолепным, — сказала женщина с веером. — Если, конечно, леди Арн доведёт работу до конца с тем же мастерством.

— Доведу, — ответила Элира. — У меня есть привычка заканчивать начатое. Даже если начало выбрали за меня.

Рейнар снова посмотрел на неё, но промолчал.

Селеста подошла к столу и остановилась рядом с эскизом.

— Можно?

Она протянула руку к бумаге.

Элира положила ладонь поверх листа прежде, чем Селеста успела коснуться края.

— Эскиз остаётся в мастерской.

— Я хотела лишь посмотреть ближе.

— Уже посмотрели.

— Вы мне не доверяете?

Вопрос прозвучал тихо и печально. Для дам. Для Рейнара. Для всей комнаты.

Элира встретила её взгляд.

— Я не доверяю случайным прикосновениям.

На этот раз Селеста поняла. Глаза её стали светлее, почти прозрачнее, но улыбка осталась.

— Тогда буду осторожнее.

— Будьте.

Рейнар сделал знак Гардена.

— На сегодня достаточно. Леди Селеста устала.

Элира едва не усмехнулась. Устала, конечно. Стоять на площадке и смотреть, как чужая ткань отказывается молчать, должно быть, действительно утомительно.

Селеста направилась к двери, но остановилась у порога.

— Леди Элира, — сказала она, обернувшись. — Я надеюсь, со временем между нами не останется этой... ненужной остроты. В конце концов, мы обе связаны с домом Вейр. Каждая по-своему.

Элира сложила руки на краю стола.

— Связи бывают разными. Одни держат. Другие душат. Третьи рвутся в самый неподходящий момент.

Селеста склонила голову.

— Как мудро.

Она вышла вместе с дамами. Их шёпот потянулся по коридору, как шлейф дорогих духов, но дверь закрылась, и мастерская наконец освободилась от чужого любопытства.

Рейнар не ушёл.

Элира это почувствовала ещё до того, как подняла глаза. Он стоял у окна и смотрел на белую основу. Без Селесты и дам его лицо снова стало строже, но теперь в этой строгости появилось сомнение. Маленькое, почти незаметное, но живое.

— Что произошло с тканью? — спросил он.

Элира начала собирать нити.

— Вы присутствовали. Ткань приняла посадку.

— Не говорите со мной как с Советом.

Она остановилась.

— А вы не спрашивайте так, будто уже знаете, в чём я виновата.

Рейнар подошёл к столу, но, как и вчера, не коснулся основы.

— Вчера вы сказали, что оружием платье сделает тот, кто солжёт перед огнём. Сегодня вы провели шов, которого не было в перечне работ.

Элира внутренне напряглась, но не показала этого.

Он заметил больше, чем она рассчитывала.

— Это временный проверочный шов.

— Для чего?

— Для того, чтобы ткань не отказалась от невесты в день церемонии при всём дворе. Формально это было правдой.

Рейнар смотрел на неё долго.

— Селеста чиста перед домом Вейр.

Элира медленно положила катушку на стол.

— Вы говорите это как мужчина или как глава рода?

— Как тот, кто проверил её происхождение.

— Бумаги?

— Родовые свидетельства. Клятвы свидетелей. Решение Совета обрядов.

— Бумаги, свидетели и Совет, — повторила Элира. — Надёжная крепость. Особенно если враг входит через дверь с правильной печатью.

В его взгляде вспыхнула злость.

— Вы обвиняете её?

— Я наблюдаю.

— За чем?

Элира хотела ответить: за тем, как ткань чернеет под её пальцами; за тем, как она спрашивает о порядке мерок, хотя притворяется незнающей; за тем, как её брошь похожа не на дракона, а на чужое крыло; за тем, как она пытается заставить меня опуститься к её ногам и при этом выглядит жертвой.

Но всё это по-прежнему было слишком тонким.

— За платьем, — сказала она. — Это моя работа.

Рейнар провёл рукой по краю стола, не касаясь ткани. На мгновение его пальцы оказались рядом с её рукой, и Элира вдруг почувствовала не притяжение даже, а память чужого тела: эти руки когда-то надевали на неё брачный обруч, держали её за талию в день первой церемонии, отстраняли от закрытой шкатулки с нитями, подписывали развод. Слишком много противоречий в одном движении.

Она отступила на полшага.

Рейнар заметил.

— Вы боитесь меня?

Вопрос был неожиданным.

Элира посмотрела на него прямо.

— Сегодня утром я боялась остаться без имени, без мастерской и без права на собственные руки. Вас лично я пока изучаю.

Он усмехнулся одними глазами, но без веселья.

— Опасное занятие.

— У меня теперь много опасных занятий. Шить платье для вашей невесты — одно из них.

Он хотел что-то сказать, но в дверь постучали. На этот раз именно постучали.

Гарден заглянул в мастерскую.

— Ваша светлость, леди Селеста ожидает вас в малой гостиной. Прибыл поверенный Совета с документами о церемонии.

Рейнар задержал взгляд на Элире ещё на секунду.

— Заприте мастерскую, когда закончите. И никого не впускайте без меня.

— Даже вашу невесту?

— Особенно её, если вы так спокойнее.

Это была не уступка. Не доверие. Но в его голосе прозвучало нечто, чего вчера не было: осторожность.

Элира не стала благодарить.

— Мне спокойнее, когда правила одинаковы для всех.

— Тогда начните с себя.

Он ушёл, оставив после себя запах грозового воздуха и раздражающее ощущение, что разговор не закончился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.